

Ф. М. Мочов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ

Т о м I I



**Эдуард Вениаминович Лимонов
Олег Владимирович Демидов
Алексей Колобродов
Захар Прилепин
Полное собрание
стихотворений и поэм. Том II**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68763705

*Полное собрание стихотворений и поэм: Питер; Санкт-Петербург;
2023*

ISBN 978-5-00116-894-2

Аннотация

Эдуард Вениаминович Лимонов известен как прозаик, социальный философ, политик. Но начинал Лимонов как поэт. Именно так он представлял себя в самом знаменитом своём романе «Это я, Эдичка»: «Я – русский поэт».

О поэзии Лимонова оставили самые высокие отзывы такие специалисты, как Александр Жолковский и Иосиф Бродский. Поэтический голос Лимонова уникален, а вклад в историю национальной и мировой словесности ещё будет осмысливаться.

Вернувшийся к сочинению стихов в последние два десятилетия своей жизни, Лимонов оставил огромное поэтическое наследие. До сих пор даже не предпринимались

попытки собрать и классифицировать его. Помимо прижизненных книг здесь собраны неподцензурные самиздатовские сборники, стихотворения из отдельных рукописей и машинописей, прочие плоды архивных разысканий, начатых ещё при жизни Лимонова и законченных только сейчас.

Более двухсот образцов малой и крупной поэтической формы будет опубликовано в составе данного собрания впервые.

Читателю предстоит уникальная возможность уже после ухода автора ознакомиться с неизвестными сочинениями безусловного классика.

Собрание сопровождается полновесными культурологическими комментариями.

Публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Стихотворения из амбарной книги	12
«Микеланджело» (1958–1964)	
«Жёлтые ракушки...»	13
«Всё что окружает – из грязи...»	15
«Наклонялись ночи белыми слезами...»	17
«Цветы... Ваза... Чашка.....»	18
«Надо ли жалеть луну...»	20
«Из обычных человеческих предметов...»	21
«Я мучительный солдат...»	23
«Приходим в мир объятые тревогой...»	24
«Я умру для всех и только сам...»	25
«Ведь главное не то – была ли...»	26
«Я наряжу своих героев...»	27
«Мы на берег возвышенный приходим...»	29
«В моём мире будет тепло...»	30
«С виду я безразличный...»	31
«Я могу медленно медленно...»	32
«Когда кончатся все жёлтые дома.....»	34
«Что я, что...»	35
«Я белый обыкновенный малый.....»	37
«Так и будут запутанными дни мои...»	39
«Годы наши идут...»	40
«В дымке Магелланова пролива...»	41

«Весеннее солнце...»	43
«Оставь свой дом.....»	44
«Наш дом на обрыве.....»	45
«Чьи-то тени чёткие.....»	46
«За тридцать пять минут...»	47
«И лишь пустые копья снега...»	48
«А потом мои сборники...»	49
«Брось жеманиться...»	50
«Когда ночами белые лилии...»	51
«Чужое горе с поднятой рукой...»	52
«Тусклая погода.....»	53
«Пусть тает грусть во взгляде...»	54
«Глазастые разгаданные люди...»	55
«Частица байроновской тени...»	57
«Что может быть интересного после двадцати.....»	58
«Кого винить что выбор этот сделан...»	59
«Когда жизнь испробована по-всякому...»	60
«В бедной гостинице...»	61
«Я на серые скалы зелёной земли...»	62
«Утром выйдя из кельи...»	63
«Какая разница в каком я веке жил...»	64
«Где-то, где гавани имеют...»	65
«Я буду чёрным чёрным нелюдимым...»	66
«Тревога, тревога, бесконечная тревога...»	67
«Осень жёлтая пора...»	68

«Во мне человечьи обычные чувства...»	69
«Досталась мне доля плохая...»	70
«А есть ли прошлое...»	71
«Я был везде...»	72
«Я памятников видел много...»	73
Чушь	74
«Из холодной страны... не уйти...»	75
«Седые листья кактусов.....»	77
«Рядом летний полдень...»	79
«Поджигайте снег со всех сторон...»	80
«Если неизбывного касаться...»	81
«Обычная безумная как все земные...»	82
«Из досок сбиваются наши суда...»	83
«Когда умрём, за эти наши строки...»	84
«Как будто за серым холстом волны...»	85
«Сегодня ночь разрушит упоенье...»	87
«Я камерный преодолел предел...»	88
«Мир состоит из белых башен...»	89
«Абажур, абажур, абажурина...»	90
«Усталый диалог усталого мужчины...»	91
«А после ветер свёл изнеможенье...»	92
«За криками, за бездной злых разделов...»	93
«Мой силуэт.....»	94
«Где ты... Какие посвисты деревьев...»	95
«Длинные, долгие мысли тревожные...»	96
«Произносить монологи легко...»	97

«Мир большой...»	98
«Глупый отрывок из какой-то...»	99
«А если мы приходим до рассвета...»	101
«Эту влажность ночных мыслей...»	102
«Рукой указывает статуя...»	103
«Я стою передо мной перо жар-птицы...»	105
«Я бедный малый.....»	107
«Но только я вдоль улиц пройду...»	108
«Было или не было минут...»	109
«Эlegantная запойная тоска...»	110
«Я натворю много бед...»	111
«Вся тоскливость в нашем небе...»	112
«Думаю – плывёт мартышка...»	113
«И потом когда я уже умру...»	114
«Ну что же – два года...»	115
«Но я останусь розово-холодным...»	116
«Как пахнет сырое дерево.....»	117
«Какая уж тут любовь...»	118
«Можно все ночи подряд просиживать...»	119
«Яблоневый дом... Яблоневый дом...»	120
«Когда другие так вращаются...»	121
«А нужно взять мысли...»	122
«Я большая пешка...»	123
«По дороге уходят на войну...»	124
«Скрипки поют...»	125
«Мои слова переживать...»	126

«О мартышке в ледяной погоде...»	128
Пейзаж	129
«Проснулась во мне нечаянная чуткость...»	130
«Россия... Дворянские парки.....»	131
«Прапорщиком стройным...»	132
«Ночь шумная...»	134
Румынская рапсодия	135
«Вот действующие лица – ты и я...»	136
Infant perdu	137
«Вам хочется стихи мои переписывать...»	138
«Стану полевым дурачком...»	139
«Может меня и печатать не будут...»	140
«Я жадный человек...»	141
«Всё так же Вася носит...»	142
«Мой дождевой балкон.....»	143
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Эдуард Лимонов Полное собрание стихотворений и поэм

Составители: *Захар Прилепин, Алексей Колобродов, Олег Демидов*

Фото из архива Сергея Беяка

© ООО Издательство «Питер», 2022

© Савенко Б. Э., Савенко А. Э., наследники, 2021





В конце 60-х в Москве... появился этот замечательный, подобный Жюльену Сорелю или Растиньяку молодой человек, харьковчанин, поэт, решивший завоевать Москву.

Стихи были свежи, раскованны, «обэриутны»... Мы коротко сошлись, как писали в XIX веке. Надо было выяснить позиции друг друга, и, шагая по Москве, мы решили, что наш идеал в поэзии — Катулл и что столица похожа на Рим времён упадка.

Совершенно сам по себе, безумного честолюбия, поэт жаждал признания столичной богемы. Лимонов был беден и неприхотлив, но любил пофрантить. Поэт шил брюки знакомым и стал довольно широко известен, как говорится, в узких кругах. Кроме того, он печатал на машинке книжки своих стихов, переплетал их и продавал по 5–10 рублей. У меня сохранилась одна такая книжка. Переплёт из простого упаковочного картона, бумага серая, грубо скреплённая. Всё в духе времени. Вообще у Лимонова всегда было чувство времени.

*Генрих Сапгир,
поэт, прозаик*

Стихотворения из амбарной книги «Микеланджело» (1958–1964)

«Жёлтые ракушки...»

Жёлтые ракушки
Обломки перламутра
Обломки судьбы индейцев
Ныривших с замеленных шхун...
Свидетели схваток с акулами
А часто вы падали вниз
В струе воды несомой
Акульими плавниками
И белым поджарым брюхом
И снизу был виден киль
Стоящего тихо судна
Вились какие-то стебли...
И плавали рыбы
И были индейцы
Заранее обречены
На эту прозрачную воду
На эту тоскливую воду
На тихое злое купание
В тихой и злой воде
Вокруг берега поднимались
И ехали мутные люди
С такой же нелепой судьбой
Добыть неживые богатства
Купить голубые владенья
Отстроить приёмные залы

Кутить и стареть и пить...

И видеть линии тела

Животные белые формы

У купленных тихих красоток...

«Всё что окружает – из грязи...»

Всё что окружает – из грязи
И только раскидистый тополь
В окно моё молча всплывает
И тянет за руку меня
Пойдём там имеются травы
Бриллианты ещё не потухли
На тёмной туманной траве
Которая пахнет оврагом
И Блоком и прошлым веком
И берегом дальним, с которого
Махнёт мне прощально рука
Останься один и подставь
Усталые плечи под ливень
Срываемых ветром
Белых яблоневых лепестков
И вспомни то место где были
Твои тоскливые встречи
И там последняя встреча...
Она уходила грустя
Ты думал что будешь нужным
Что будешь с людьми и с миром
И верил потом через годы
Как тонкая грусть придёт
Но вот кончились годы
И ты на том же месте

И ничего не сделал
Остались чужими люди
И зябко тебе в доме...
И только всё так же молча
Пахнут и падают на плечи
Яблоневые белые вечные лепестки
Туманное время исчезло...
За грусть твоей памяти чуткой
За поступь шагов несмышлёных
По длинным скучным бульварам —
Ты дорого заплатил
Пожалуй не стоит платы
Платы шагов из воска
Платы тряпичных слов

«Наклонялись ночи белыми слезами...»

Наклонялись ночи белыми слезами
И одиноким молчаньем
И углубленьем в себе...
Будущего не знали мы сами
Прошлого не отстояли

А к сердцу человеческому
На пять шагов
И вслушивайся, вслушайся
Куда они зовут...

И молча, молча стояли
А может это только для меня
Но ты наполнялась слезами
Невысказанными словами
Казалось что была ты нужной
Исчезнешь – и мир погиб
Исчезнешь – и нет асфальта
Политого водой...

Да, конечно, только для меня

«Цветы... Ваза... Чашка.....»

Цветы... Ваза... Чашка...

– Это называется натюрморт...

Художник зачем-то

Взял эти предметы

Поставил на свой правильно

Освещённый небом стол

И нарисовал...

Их углём на полотне...

Цветы ваза и чаша

Скажите мне

Вам тоже тяжело...

Переживать эту ночь при луне...

Мучительно медленно с сознанием долга

Сжигая себя для других

Выходит луна

Чтоб я различил дорогу

И тонкость пальцев твоих

Ты не думала...

Она ведь устраивает наше счастье

Наше маленькое своё счастье

И не ищет участия

За самосожжение...

А мы заглядываем друг другу в лицо...

Зацеловывая друг друга...

Сумеет ли от всего отрешиться

Сумеем сгореть для другого
Потому что так нужно...
Нет... Ты отойдёшь, ты спрячешься
Когда будет нужно горение
Скажешь мы не знакомы
А если знакомы, то немножко
Уходи к художнику
Который нарисовал углём
Цветы вазу и чашку
Я остаюсь с луной...

«Надо ли жалеть луну...»

Надо ли жалеть луну
Что зазря она сгорает
До всех прикованных ко сну
Напрасно руки простирает...
А мог бы я гореть вот так
Без разговора, долг свой зная
Чтобы светить тебе во мрак
Твою дорогу освещая...
А мог бы я немym огнём
Уйти чтобы другие жили

«Из обычных человеческих предметов...»

Из обычных человеческих предметов
Так сказать ширпотребных обиходных
Можно сделать предмет-поклоненье
И воздвигнуть религию мира...
Вот вам Солнце... Губящее Солнце...
Палящее Солнце... придающее телу загар
А когда-то ему воздвигали
Храмы, статуи и дворцы
Руки к диску его простирали
Полководцы и мудрецы...
Лоб Сократа оно опаляло...
А теперь наши узкие лбы
На щите Александра играло
И в бокале с цикутой возможно играло
На воротах и в окнах тюрьмы
Его видят в последний раз
За решёткой тревожной камеры
Оно падает на дырявый матрац
Тяжко, как будто каменное,
Или рассвет, когда ты прозрел
После своей слепоты
Диск Солнца оранжев,
Диск Солнца бел...

«Я мучительный солдат...»

Я мучительный солдат
Среди вековых осин
Вижу тихий листопад
И качание вершин
Никуда я не иду...
И глазами в небо впал
Кто-то белую звезду
Миражом моим назвал
И действительно мираж...
Искривление глазниц...
Отражается пейзаж
От окопов и гробниц
От лиловых мёртвых тел...
От оград и от домов...

«Приходим в мир объятые тревогой...»

Приходим в мир объятые тревогой
И сразу же вопросы – жизнь и смерть
И сразу же хотение от Бога
Или от чёрта...
Чтобы он помог...
И посодествовал и подтолкнул
Где надо руку провидения слепого
И я бы чудом мир перевернул

«Я умру для всех и только сам...»

Я умру для всех и только сам
Буду сумасшедшим и героем
Прислушиваясь к птичьим голосам
Стану тонко думать, что нас двое...

Тихий шёпот вдаль ушёл
И смеётся что-то и смеётся
Никакого счастья не нашёл
И нигде оно не продаётся

Только я в пустынный край пойду
Лягу и умру у берега
По голубому выцветшему льду
Открывали нищие Америку

Путь пустой и путь смешной
Где-то далеко огни расходятся
Над своей неузнанной судьбой...
Пьяные истерикой исходятся

«Ведь главное не то – была ли...»

Ведь главное не то – была ли
моею или не была
Лишь только б пели после в доме
лиловые колокола
И в будущее медленно вплывая
За мной протянется вослед
Твоя улыбка молодая
Когда тебя на свете нет

«Я наряжу своих героев...»

Я наряжу своих героев
В самые яркие ткани
Жёлтые алые туманные
Я одену яхты в голубые паруса
И обступят зыбистые моря
Будут переливаться
И берега коричнево-песчаные
Над морем станут наклоняться
Сползу с обрыва и захочется
Мне самому под гальки хруст
Сменить тоску и одиночество
Истерикой поющих чувств...
Чтобы в глазах качались
Растенья пели длинные
И медленно моря звенели
На камни древние кидаясь
И пена бы лизала плиты
А где-то жизнь моя цвела
Звучат тревожно над гранитом
Туманные колокола...
Я наряжу моих героев
Отправляю их на кораблях...
И посажу в прибрежных кабачках
Медлительно осмысливать разлуку
Буфетчик в белом... белые глаза

А скоро ты как тонкая лоза

Сорвёшься со стены испытывая муки...

«Мы на берег возвышенный приходим...»

Мы на берег возвышенный приходим
Чтобы глядеть как кто-то отплывает
Пока маяк от нас не загородит
Дымящий монотонно пароход
Пока бревном не скроются
Сперва бревном, потом холодной спичкой
А после точкой, чёрной и чужой
И рот короткий твой
И вот уже во власти океана
Захочет сохранит...
И высадит туда, где берег гладкий
Где нет ни скал, ни камня, ни меня

«В моём мире будет тепло...»

В моём мире будет тепло
И наполнено всё чудесами
И не сохранится ожидания
Никто не будет ждать
А если надо, сделает,
Руки в карманы заложив,
И возьмёт эту женщину белую
Или на ночь её одолжит...
Вот тогда и я изменюсь
И подчёркнуто буду сухим
Как сухая трава под тобой
На которой мы вместе лежим

«С виду я безразличный...»

С виду я безразличный
И пройду не задев плечом
И пройду не ощутив взглядом
Не сказав ни о чём...
Но я всегда обкусываю ногти
Ногти на длинных пальцах
Которым тебе предстояло касаться
Да видно не повезло
И теперь они держат рюмку
Или тянут других за руку
Или медленно ощупывают
Как у женщин в груди тепло...
Я очень безразличен...
Почти не затронут миром
Лишь говорю с другом
Лишь бледен и очень тих
Где-то лежит за югом
Кольцо изумлений твоих...
Теперь я когда всё брошено
Когда понял что лучше тебе не будет...
Только хожу и смеюсь над хорошими
И стараюсь напакостить людям

«Я могу медленно медленно...»

Я могу медленно медленно
Тихий спокойный мальчик
Руку правую высвободив
Ударить вас в спину ножом
И одурев от водки выйти
Через коричневый коридор
На вечернюю площадь
Обнять тебя за белую шею
И рассказать что паршиво
Жить неудачником в мире
Что я на всё глазею
Не принимая участия...
Не смеясь и не плача в ответ
На события жалкие драмы
Я давно уже вышел на сцену
И игра меня утомила
И градом льёт пот из-под маски...
Я убью и твои золотистые руки
Тронутые солнцем и выласканные другим
Станут они чем-то устало далёким
И беспamięтно дорогим...
Ведь теперь когда их обнимают
Я легко и тревожно вдыхаю
Запах лета... и тонкая грусть
Только то и стóбит на свете

Нашей жалости наших тревог
Кто любил нас как малые дети берег
А сейчас в этой чёртовой сфере
Я вращаюсь лишний и злой...
О беловолосой красавицей
Красавицей ледяной

«Когда кончатся все жёлтые дома.....»

Когда кончатся все жёлтые дома...
И потянутся белые дома...
Кончатся бледные лица
И начнутся коричневые лица
То у меня уже не хватит сил
Дальше идти...
Тогда пускай идёт другой
Между белыми домами и коричневыми людьми
И повстречается с пеной морской
Кожей лица и грудьми...
И вонзит острый корабль
Как щепку в щёку волны
Поедет отгадывать сны...
Будет время от времени
Руки опускать в воду
И набирать её пригоршнями
И подносить к лицу
Пусть это не я...
Когда-то ушедший
Пью и выплёвываю
И тону...

«Что я, что...»

Что я, что?

Я только чёрный зонт

Всем чужая чёрная спина

В час когда далёкий горизонт

Загородит мокрая стена

Я сырой и я хочу тепла

Где-то основательно осесть

В тусклые слепые зеркала

Заглянуть а ну-ка что там есть

Там сидим – приборы и проборы

Как когда-то как давным-давно

И переживаем коридоры

Улицу ещё переживаем

Где совсем темно...

Где другие бледные и бедные

Капли растворяют на одежде

Люди все живут с своими бедами

С настоящими и прежними

Мы комнатные люди

Мы уличные люди...

Жалеем а не любим...

И недовольно про себя молчим...

Проводит быстрый ветер

По волосам руками...

Их спутает и бросит и уйдёт...

«Я белый обыкновенный малый.....»

Я белый обыкновенный малый...
С пустой отвлечённой душой
Бредущий в ночные дожди
Меня очень легко встретить
Только самые тёмные улицы
И перекрёстки найди...
Иногда выплывает из мрака
Моё голубое лицо
И рубашка в полоску
И узкие-тонкие руки...
Я просто кутаюсь в город
В стены его глухие...
И изредка в освещённых жарких кафе
Произношу стихи неживые
Некому теперь принадлежать
Некого неистово лелеять
Издали нелепо обожать
И писать у строчек посвящение
Знаю всё на свете я могу...
Будет грустно – и напьюсь и сяду
Нехотя про что-нибудь солгу
И кого-нибудь обшарю взглядом
Пусть подумают что душой высок я
Что горю, а не досадно тлею...
Поцелуй меня в больной висок

Я тебя за это пожалею...

Я скажу ведь ты одна из тех

Смерти уже отданных давно

А пока звучит твой нервный смех

Возле ног и плеч твоих темно

«Так и будут запутанными дни мои...»

Так и будут запутанными дни мои

Так я и не пойму...

Кто просит ты обними меня

Кого я сам обниму...

Женщины лёгкие лёгкие

Только подует ветер

Сразу уносит к другим...

Сразу такие далёкие

Мы издали молча их чтим

Преподносим из самых душ

Вырванные слова...

И белые клочья чужих рук

Видим едва-едва

Не замечаем что другим

Преданы и проданы...

И преждевременными родами...

«Годы наши идут...»

Годы наши идут
И мечты не сбываются
С тебя там, с меня – тут
Люди зло издеваются...
И нас осень трясёт...
Как деревья холодные...
Кто на свете живёт...
Все скитальцы безродные

«В дымке Магелланова пролива...»

В дымке Магелланова пролива
В распростёртых облаках
Говорят... порой лежит раскинув
Руки лучезарные чужая
Дымная с улыбкой неоглядной
Потому-то мы в коробках утлых
Обтекаем вечно океаны
Потому из странствий не вернутся
В дымке Магелланова пролива
Чётко и восторженно чужая
Видимая всем в любви и в горе...
Женщина растерянно лежит...
Не поможет знаем, знаем
Ни любви ни горю
Гибели от нас не отвратит...
Всё равно весь век бродить по морю
Берега – отчаянный гранит...
В дымке островов, земли и неба
Чуда и свершенья ожиданья
Вечно где-то женщина чужая
Медленно и грустно сторожит...
Чтобы появиться и исполнить
И ничем по правде не помочь
Только после встретивший да вспомнит
Этой встречи путанную ночь...

Обтекают океаны сушу
В путь пускаемся по зыбистой воде
От чужих скрывая душу
Обнажая душу при беде
Женщины чужие разметавшись
Входят в жизнь, уходят из неё
После один оставшись
Ты хоронишь забытьё
Жизнь из встреч да все страницы мифов
Длинных сказок и мужских запретов
С синевою клювы чёрных грифов
Зависающих над пропастью

«Весеннее солнце...»

Весеннее солнце
Когда отыгрывает
И летнее солнце —
Когда взойдёт
Меня судьба обыграет
И счастье из рук удерёт...
Я буду как тот —
Королевой обманут
И предан королевой буду
Той самой которой цветы водопада
Я приносил мокрой грудой
И бросал и медленно
От полученной раны слабел
Королева моя малолетняя
Я сейчас о тебе пожалел
Где ты удивлённо скитаешься
И что ты и кто с тобой...

«Оставь свой дом.....»

Оставь свой дом...

Уйди в час темноты

В тот край земли

Где светятся моря...

И пусть поднимут сильные мечты

Заржавленные наши якоря...

Мы все сидим

Мы все чего-то ждём

Когда к нам королеву приведут

Или огромные серые моря...

У наших ног почтительно замрут...

Пока другой распущенных волос

Своей рукой не гладил

Иди и говори, что ты ей всё принёс

И всё оставил ты... ради

А надо к ним идти...

И ехать к ней...

В пургу когда скрипят доски захолустья

«Наш дом на обрыве.....»

Наш дом на обрыве...
На скале
В нём ветра живут как хозяева...
И ослабевают в
Уставая родину облаивать
Если тот костёр
Что под небом цвёл
И не увидят с других планет...
Люди я пришёл
Люди я ушёл
И меня на этом свете нет...
Подыми могил сонную плиту
Звук не будет схвачен
Если мы умрём
Кто-нибудь потом
Будет нашей жизнью озадачен?

«Чи-то тени чёткие.....»

Чи-то тени чёткие...
Туловища чи-то...
Оттиснуты на мокром
Зеркале гранита...
Руки чёрные болтаются
И в воде синеватой
Тени длинные купаются...
Я один между мостами
Жду чего-то
И смотрю на гладкий камень
Опечаленный заботой...

«За тридцать пять минут...»

За тридцать пять минут
Я Блока просмотрел
Блок прожил сорок лет
Над женщиной слабел
Он умирал и жил
Руками шевеля
Стихи свои сложил
И приняла земля...
И тридцать пять минут...
И множество ночей...

«И лишь пустые копыя снега...»

И лишь пустые копыя снега
Нацелены в сияющую грудь
Хотелось запыхаться среди бега
И воздух отуманенный вдохнуть
Пусть иглами холодными охватит
Седая грусть меня
И девушки – на каждой только платье —
Мучительно и мстительно манят...

«А потом мои сборники...»

А потом мои сборники
Раскупают с прилавков
А потом поговорками
Мои станут слова
Но простите я кажется
Отвлёкся от главной
И от будущей славы
Дрожит голова...
Где-то синие дали огнями вспыхнут
Разорваны и подожжены...

«Брось жеманиться...»

Брось жеманиться
Брось плакать
Где-то в оголтелых маках
Людам снится май...
И в оплёванных курильнях
В темноте досок...
Кто-то понял все усилия
Ни к чему не приведут...
У кого-то опустели
Тёмные зрачки...
И безудержно и больно
А потом тепло...
А потом приходят руки
Гладят и поют
Спи – твои земные муки
От тебя уйдут...
Расцветёт спокойный лотос
Станет божий храм...
Ты возьмёшь свой посох
Подойдёшь к дверям
И откроют эти двери
Музыка польётся...
Заходи в курильню...
Веришь – счастье попадётся

«Когда ночами белые лилии...»

Когда ночами белые лилии
Распускаются в диких прудах
Мы не видим, мы спим и сопим
Со слюной на припухлых губах
Когда самые тайные вещи
Происходят на нашей земле
Или водку противную хлещем
Или дремлем на женском тепле...
Пропускаем и глуше и глуше
Шум листвы... многих листьев слова...
И сильней одинокие души
Молчаливая темень трава...
Упади в неё с головою
Упади чтоб не встать никогда
Я сейчас
Ты – большая моя беда
Ты моя неизвестная сказка
Рассказанная без меня

«Чужое горе с поднятой рукой...»

Чужое горе с поднятой рукой
Кричит мне стой
Кричит мне хрипло стой...
Ну помощи ну обними меня
И ласки дай хотя б немного ласки
И сказку Расскажи мне у огня
Ведь ты умеешь делать эти сказки
Неужто я пройду, пройду – не оглянусь
И буду зря хранить мои слова...
А где-то грусть, тупая, злая грусть...
Туманно упадёт на острова...
Всех жителей сметёт в одно...
В пустую злую массу
Ну неужели людям всё равно
Что я живу, что я умру, что счастлив
И мне не быть убитым

«Тусклая погода.....»

Тусклая погода...
Хочется заснуть...

Туманное тело одето в цветы
И медленно взором туманным
Проводишь тревожно по лицам ты
По лицам чужим и пьяным
Сколько ни плачь – они не поймут
Каждый занят своим...
Для них – чужая грусть
Только в глаза едкий дым...

«Пусть таится грусть во взгляде...»

Пусть таится грусть во взгляде
Но ты люби меня, люби
Ведь я терплю страдания ради
Блаженства и любви
Порой мне грустно потому
Что в этом мире злом и диком
Ты всё принадлежишь ему
Тревожно-белая гвоздика

«Глазастые разгаданные люди...»

Глазастые разгаданные люди
Поймёте ли вы горькое безумье
Безумье отрешённого от шума
Усталость отошедшего от света...
И видящего лица голубые
Да мёрзлые прожилки у висков...
Весь взбудоражен мир
Им только это...
Стоящим и смотрящим в непогоду
Им только это, а
За ночь до той пули
Которая убьёт и искалечит
И дождь тоскливый сразу оборвёт
Ах остановитесь на земле другие
По вечерам, в последние минуты
Перед закрытием жарких магазинов
Смотрите в зеркала
Там в глубине их
Проходят люди серые, как воздух
Как капли
Из которых состоит
Весь этот дождь
Весь этот мир нелепый
Скрипенье тормозов
И скрипом туфель

И хлюпаньем по чёрным этим лужам
Залысинам, проборам и вискам
Наш мир пропах как сточная канава
Как не прошитые вставные зубы
Как запах человеческого нутра...
Пусть проплывают смокинги и фраки
И пиджаки в отчаянную клетку
И рожи, рожи бледные и злые
Остервенелых и тупых мужчин
Вы где?.. Вы где?..
На Севере живёте
Мороженую рыбу вы жуёте...
И почему у вас в почёте
Английский сплин...

«Частица байроновской тени...»

Частица байроновской тени
Его усталый жест
Осталось в мире Чайльд-Гарольдом
Закутавшись бродить...
Тревожно встретить ночь глухую
Двадцатый век
И в полосах дождя...
Стою бессмысленно ревную
Ко всем живущим я тебя...

«Что может быть интересного после двадцати.....»

Что может быть интересного после двадцати...

Уже нельзя на улицах орать

Так чтобы все глазели – танцевать

Уже нельзя тебя за шею взяв...

Всё выступать и пить и обниматься

Прошла пора... Обязывает время

Ходить и скучным быть

И всё в стихи...

И в степи уводить грузовики...

«Кого винить что выбор этот сделан...»

Кого винить что выбор этот сделан
Давно нетерпеливыми руками
Я обнял тонкость твоей шеи белой
И отошёл тяжёлыми шагами
И страшно расставаться...
Слушай, слушай
Я испытал счастливые минуты
Когда ты ела и пила я видел
И улыбался зеркалу в глаза
Мы ведь с тобою вместе промотались
Мои неповторимые мгновенья
Мои дожди, мою святую грусть
Жизнь это может быть прикосновенье
И боль стесняющая грудь

«Когда жизнь испытана по-всякому...»

Когда жизнь испытана по-всякому
И отмечена множеством лиц
Когда устало и безразлично
Поймёшь что ничего уже не будет
Да и не было...
Ты только шёл к mirажу
А он отодвигался в степи белые
И продолжался светить как абажур...
То женщиной он становился неразгаданной
И ждущей и жалеющей меня
А то желаньем славы и стихами
И колыханьем смутного огня...
Там на скале все ночи жгут костры
Какие-то туманные и ласковые
И обещают мне конец игры
И вой толпы и крики лебедей

«В бедной гостинице...»

В бедной гостинице
На бедном столе
Робко лежит твоё бедное письмо
Ты сообщаешь вполголоса мне
Что я б приехать мог...
И встают как светлые копыя дождя
Как солома ветряных крыш
Твоя застенчивость, улыбка твоя
Твоя глубочайшая тишь...
Ты терпеливо меня подождёшь
Даже может быть год...
И с другими не пройдёшь
Под сводами тёмных ворот

«Я на серые скалы зелёной земли...»

Я на серые скалы зелёной земли
Взбирался кровавя руки...
Чтоб посмотреть с высоты
На наше дымное море...
На шхуну с грузом сигар...
На крест опечаленных мачт...
И на следы ваших чар
Женщина – мой палач
Это ради вас
В пористой чужой стране
Играю отчаянный вальс
На единственной целой струне
А пароходы растут
К берегу приближаясь
И пароходы ждут...
От самого провожания
Давно уже, так давно...
Мелькала в горсти вода...
И было совсем темно
И мерно дымили суда
И дни чужой болтовни
Ты руки ко мне не тяни
Всё ведь тоска... тоска

«Утром выйдя из кельи...»

Утром выйдя из кельи
Пропитанной запахом воска
И дымом сгоревших свечей
И телом отживших людей
Я – нищий увижу город...
Луну, что почти стушеввалась
И голос далёкий далёкий
Который почти умолк
Судьба состоит из годов
Из дней и событий...
Просиженных в молчанье часов...
Лицо подперев рукой...
Из часов проведённых с друзьями
В пустой болтовне
И ещё когда твои руки
Тянутся долго ко мне...
Вот они дотянулись
И изогнуты плавно как лебеди
Лица моего коснулись

«Какая разница в каком я веке жил...»

Какая разница в каком я веке жил
Какие мимо проходили дни
Я всё равно тебя любил...
И удивлялся солнцу и песку
Но пыл прозрачных голубых созданий
Соборов и церквей высоко вверх
А я один, осталась ты меж зданий
С тобой чужой сутулый человек...
Я понимаю, что другие тоже
Имеют право на ласку и на боль...
Но почему их множества
Слоняются с тобой

«Где-то, где гавани имеют...»

Где-то, где гавани имеют
Странные названия
Из одних округленных губ...
Обитают мои желанья

Загорелые люди ворочают
Вёслами в синих баркасах
Все наши глухие пророчества
Одна тёмно-бурая масса

«Я буду чёрным чёрным нелюдимым...»

Я буду чёрным чёрным нелюдимым
И жизнь чужая – парус мчится мимо
Не соизволя даже замечать
Другие вдаль уйдут расправив плечи
Другие – здесь построят города
Я – всё смотрю и говорю о встрече
И жду её и не пойму – когда...

«Тревога, тревога, бесконечная тревога...»

Тревога, тревога, бесконечная тревога
За судьбу твою
Что если я окажусь, буду не в силах...
Охмелевшими пальцами
От тебя отказаться...
Что если я по примеру прошлых
Забыв про неустроенный быт
Обижу – сейчас так называют
Если кто-то с кем-то спит...
От этой ночи не сделалось жарко
Это только ещё один штрих...
К рисунку большого парка
И зарослей густых
А у тебя поломаётся многое
Холодная ледяная жизнь
Ничто не тронет, скажешь не трогай
Жив там кто-то или не жив...

«Осень жёлтая пора...»

Осень жёлтая пора
Тянущая туманно истолковывать
То, что было с тобой вчера
Происшествие в тусклой комнате
Тебе думается я слаб...
Ты считаешь что я на песок
Опускаюсь с телами баб...

«Во мне человечьи обычные чувства...»

Во мне человечьи обычные чувства
Мне хочется худому и злому
Лучшее место в мире искусства
Может никем незнакомый
Я встану эстрад оживляя доски
Люди стекутся из липовых аллей
Надо войти с руками жёсткими
В сырость и сизость степей
Надо подолгу жить под диском
Захолустной луны
И переосмыслить все старые смыслы
Пришедшие из дней тишины
Из тех мощёных дворов и далей
Где ты сигарету губами обхватишь
И спросишь мальчиков: не видали
Я уехал... хватит...

«Досталась мне доля плохая...»

Досталась мне доля плохая
Стихи сочинять, слова...
Но и тихо тебя окликаю
Глядеть как желтеет трава
Меня заставляют другие
Каменные горизонты
Медузы раскинут сырые
Намокшие збнты
Я кожей приму капли
И высохнут капли на ветре
Дощатое тело баркасов
Качается на воде...
Дощатое тело суши
И ветер врывается в уши
В несвойственный долгий мир.

«А есть ли прошлое...»

А есть ли прошлое
И где оно хранится...
В пустых глухих страницах дневников
Где имена, приметы, лица
Как звали вас друзья
Там где-то далеко...
Но имя что? Ведь имя только символ
Обозначает губ немой развод
И если я его припомню
То разве стройной рядом ты пройдёшь
Опять надеяться на помощь
И на спасительную ложь

«Я был везде...»

Я был везде
Я Крым облазил сизый
Когда там осень
И море когда тело скал...
Призраки нездешней жизни
Нездешней драмы
Деревья разметались в волнах ветра
В Никитском ботаническом
И ты... жила зачем-то
В маленькой беседке
Недостижимые храня мечты
Тебе казалось в зареве багровом
Напоминая Мексики пейзаж
Сгорят стволы и возродятся снова
И камни скал не упадут

А я-то знал что только ослепленье
Свело нас всех над бездной голубой
И мы напишем жалкие творенья
В восторге от земли полуживой

«Я памятников видел много...»

Я памятников видел много
Читал забытые чужие имена
И камень гладкий кожей трогал
Как будто мне блистательность дана
И обойдя сухие травы эти
Их на ладони подержав
С еврейскими глухими письменами
С тобой тебе принадлежать

Чушь

Выпить бы сейчас ещё вина
Но день этот хмурый...
Только надо мной наклонена
Голубая строгость абажура
Мне кивает строгой головой
Говорит... А может нет...
С кем-нибудь другим молчит
Твой отяжелевший силуэт...
Я его ловить не стану...
Абажур закрой глаза...
Сейчас я буду пьяным...
Что с меня с кирного взять...
Никаких преград не существует
Я холодный стол, цветы
Жадно и униженно целую
Вроде ты...
Только всё не ты, а будешь ближе
Быстро надоест...
Так всегда со всеми в этой жизни

«Из холодной страны... не уйти...»

Из холодной страны... не уйти
Не уйти из кольца впечатлений
Из ледяных построек
Из ледяных стен
Из меховой одежды
От моржового жира...
От жирной своей кожи
От косых своих глаз...
Обречённо Восток алеет...
У торосов встречаются двое
Наступило белое лето...
Безмолвие такое...
Что можно не прижимая уши...
Слышать как лёд молчит...
Хочет всколыхнуть посиневшими губами,
\$\$\$\$\$\$но молчит
У двоих любовь...
\$\$\$\$\$\$У двоих жирная кожа
Меховая одежда...
\$\$\$\$\$\$Шкуры на них
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$Страх в них...
Какая у них нежность...
Проводит ей по лицу
И говорит я к югу тебя унесу
Зелёные реки увидишь

\$\$\$\$\$Зелёные берега...

И воды чёрных заливов...

Но из холодной страны не уйти

Она это знает...

Везде любимые говорят ложь...

Страна снегов поджидает

Когда ты умрёшь...

«Седые листья кактусов.....»

Седые листья кактусов...
От старости седые...
Я спрашиваю как ты здесь...
– Как все больные...
Болеешь и желтеешь
Вина не пьёшь
В окно весь день глазеешь
На окаянный дождь...
До боли надоело... а впрочем
Что на свободе лучше
Ты как все строчишь...
Да пишу о кактусах
Об этом тоже могу
Листья седые седые
Встречают на берегу...
Губастые гибкие негры...
И полоса воды...
И не выдержат нервы
Самой большой беды...
В больнице знакомая никнет
Скучно и тяжело
В больнице она думает
Ведь на свободе некогда
Оттого мы все задумчивыми
И притихшими

Приходим из своих больниц

Кактусы, небо расколото

Кактусы жизнь позади

«Рядом летний полдень...»

Рядом летний полдень
И прекратились дожди
И двадцать один год
\$\$\$\$\$\$И подруга есть...
Чего-то от меня ждёт...
Как не от всех мужчин
Двадцать один год
\$\$\$\$\$\$А я ещё никто...
Делаю строгий пробор...
Сёстры оборачиваются вслед
Но ничего нет...
Нет стихов – положить на стол
Нет сокровищ – бросить к ногам
Нет комнаты устраивать семейное счастье...
Есть только голова из которой
Как шелкопряд
Я вытягиваю тоненькую нитку мыслей о тебе...

«Поджигайте снег со всех сторон...»

Поджигайте снег со всех сторон
Жгите белый
В глинистую лягу
Опускайте гроб
Дёргая верёвку руками неумелыми
Он перекосится, ляжет он не так
Кто-то закрестится...
Замаячит в глазах
И поправит кто-то
А потом... комья запрыгают
На первом гробу твоём...
Люди отойдут, люди разойдутся
По квартирам обсуждать
Твоё неумелое дело...
И ты тоже уйдёшь спать...
Не стянув запачканных в глине сапог
С утра, подставив плечи солнцу,
Новые могилы копать
Следующие гробы опускать
На пахнувших пенькой верёвках

«Если неизбывного касаться...»

Если неизбывного касаться
Лишь едва платок приоткрывая
Будет неизбывное смеяться
Будто соблазнённая святая
Ну как ты Мария Магдалина
Опровергни суетный завет...
Никогда не стала ты святою
Ты склонялась под огарки свеч
Потому что нравился до боли
Стройный Иисус
Потому что грех смешался с кровью
И трещала от истомы ночь
Нужно ведь понять такое что-то
И уходит в этом наше жизнь
Бедная Мария Магдалина...
Не вернуть ушедшего Христа
Сколько ни склоняй в молениях спину

«Обычная безумная как все земные...»

Обычная безумная как все земные
Какие уходили по камням
А что я сделал из тебя святыню
– Виновен сам
Теперь нелепо... в темноту свиданий
Выносить чужую чистоту
Теперь – как все мы ходим между зданий
Гоня недостижимую мечту...
Сквозь музыку и свет и отблеск...
Ты вся не так
А я в своей душе скрываю повесть
\$\$\$\$\$\$Где ты чиста

«Из досок сбиваются наши суда...»

Из досок сбиваются наши суда
И вёсла строгают люди
И парус шьётся в предместье там
Кормят ребёнка грудью
Подводят жизни итог и грехам
И слушается пластинка
Колумбы тоже приплыли к нам
\$\$\$\$\$\$При помощи парусины

«Когда умрём, за эти наши строки...»

Когда умрём, за эти наши строки
Дадут большие деньги...
И кто-нибудь совсем чужой
Будет тетради бойко продавать...

Но всё же там одной не досчитаются
Одну сожгу я в гибельную тьму
Когда...

А что сейчас...
Сейчас нас люди злобно
Встречают как прохожих чудаков
Любимые не могут удержаться
И понимать не могут и не ждут...

Когда признают и поймут...
Нам до тех пор, до голубой границы
Брести и одиноким вспоминать
Исписанные жалкие страницы
Которые нам некуда девать

«Как будто за серым холстом волны...»

Как будто за серым холстом волны
Растянутым перед глазами
Твои тревоги, твои сны
Полотнами пересказались
Нас ждёт побережье древней Земли
Ты знаешь
Твои ноги коснётся вода
\$\$\$\$\$\$Это Восток
Это турецкие лики в окне...
Мечеть... Мусульмане в фесках
Я буду писать на жёлтой стене
Свою одичалую песню...
Когда минареты тоньчей и длинней
В ночное небо вніжуются
Я жил это злое количество дней
Чтоб видеть как лодки пишутся...
Как загорелая кожи гладь
Вдруг взяла и вообразила
Что этой доске суждено побывать
В чёрном нутре океана
Я шхуну к турецким веду берегам
Доски пригнанные плотны...
А в тесном трюме в трюме там

Ты, а твои полотна
Художница – чистый овал лица
Лицо не затронуто мною
И рядом ты, а как будто вдали
За морем и тишиною

«Сегодня ночь разрушит упоенье...»

Сегодня ночь разрушит упоенье
Я всё пойму
Что бедные мои стихотворенья
На свете ни к чему
Раз есть пожар, зареюший над морем
И есть молчание, лежащее у глаз...
Я с бутафорским горем
Лишьставляюсь напоказ
Таким же вот запутанным и робким
Не знающим куда...
Вести свои коробки
Унылые суда...

«Я камерный преодолел предел...»

Я камерный преодолел предел
Теперь метаться по планете
Вдыхать автомобильный чад
И заходить и посещать
Сверстников в Лос-Анджелесе
Штат Калифорния тоска
И шелест злых автопокрышек
И моря злая акварель
И нефть качается в составы

«Мир состоит из белых башен...»

Мир состоит из белых башен
Из криков – не...
Не надо ближе быть чем есть
Не надо...
В такую ночь такую честь
Вы мне – наградой
Я откажусь я обманусь
Скажу спасибо

«Абажур, абажур, абажурина...»

Абажур, абажур, абажурина
Не осуждай моих женщин
Если бы ты был женщиной
То неизвестно ещё...
Таким же голубым и чистым
Остался бы со мной...
А женщинам ведь не больно
Это их не томит...
Вольно или невольно...

«Усталый диалог усталого мужчины...»

Усталый диалог усталого мужчины
И жалобы на прожитую жизнь
И что легли тяжёлые морщины

Жизнь – вертихвостка,
Жизнь – сука,
Повертела хвостом, пошла

В кармане пусто
Во рту – сухо
Плохи мои дела...

«А после ветер свёл изнеможенье...»

А после ветер свёл изнеможенье
На нет, но бесполезную струю
Откинувшись, я стану бесполезным
Пустым и диким...
И пойду гулякой
Бесцельно ноги ставя на паркет
На плиты
И бесцельно глядя ветер
Сухими открывевшими губами
Теперь я бесполезен
– Я создал...
Куда меня несёт...
В тревожный сумрак
Какие роли и какие судьбы
Людей жалеть
Или людей качать
Я буду проходить и жить
И падать
А людям остаются только
Ноги...
Когда сидел и бешено работал
И медленно из мрака выплывал

«За криками, за бездной злых разделов...»

За криками, за бездной злых разделов
Стоит опустошённое веселье
Блестят остановленные глаза
И жизнь твоя разбитая чужая
И переулков грязных продолженье
Мечты о недостигнутом тепле...
Мир простирается, скучает и волнует
Своими непринуждёнными мечтами
И невесёлой медленной улыбкой
И вечной жаждой голубой черты...

«Мой силуэт.....»

Мой силуэт...

Мои глаза и локти...

Небо расширенное

Пёстрое красиво...

Восторженно и сумрачно молчит...

«Где ты... Какие посвисты деревьев...»

Где ты... Какие посвисты деревьев
Тебя волнуют и тебя гнетут
К земле холодной ветви гнут
Всё гибельность осенней тени
И окружности немых зрачков
Нас заставляет подгибать колени
И уменьшать стремительность шагов
Не верить, что бывает и возвраты
Одних уходов жёлтое кольцо
И разве мы тревожно виноваты,
Что месяцем облёднено лицо...
А вот сейчас – ещё бледней, чем раньше
Глаза палящие закатим вглубь
Окончен он иль только начат
Земной опустошённый тусклый путь

«Длинные, долгие мысли тревожные...»

Длинные, долгие мысли тревожные
Всё об одном, об одном
Вдруг и глаза твои ложные
Светятся жадным огнём
Что если ты подойдёшь и отчаешься
Будешь как соль морей...
Мне остаётся – печальному Чацкому
Тешиться ролью своей

«Произносить монологи легко...»

Произносить монологи легко
Я прямолинейный герой
Стою и рублю слова посреди сцены
Размахивая рукой для убедительности
Но мне не верят, там в глубине зала
В самых глухих уголках
Сидят отвлечённые люди...
И мучит их что-то своё...
Сильнее махаю руками...
И делаю сильные жесты...
В глазах у меня возникает
Заплёванный призрак невесты...
Но люди пугающе скучны
Поджав тонко губы сидят...
И что-то своё их мучит
Сквозь все мои роли подряд...
Придите ещё и завтра
Всё также не верить в боль
И так же свои мысли
Продолженно переживать

«Мир большой...»

Мир большой

Он из блестящих окон

И чужих дождливых городов

Он из кулька хорошей пищи

Модной отутюженной одежды

Состоит...

Ты ждёшь... А ты ресниц изломы...

Быстро, неудобно – вверх и вниз

Я твой умный знакомый

Жалуйся, тревогой поделись

Говори, что мы тут неуместны

Среди серых этих площадей

Средь борьбы за место

«Глупый отрывок из какой-то...»

Глупый отрывок из какой-то
\$\$\$\$\$\$скандинавской саги
Или моей легенды
Или кусочек моих чувствований о тебе...
Может быть разом всё
Только волнуя тайной
Пенится жёлтое море...
И где-то цветут загадки...
Пустынных чужих разговоров
И белые недомолвки страданий
Чужих и немых...
Зеленоглазая девочка...
Сегодня когда серый вечер
Окончил свой жестокий круг
Я отрицательно покачаю
Своей головой голубой
И медленно удостоверюсь
В слепой обречённости мира
Погибнем мы все в поле
Засунув в рот дуло...
Нажмём голубой курок
И только короткое эхо
Коричнево-тонкие корни
Жёлтой жалкой пшеницы
Человечьего злака

«А если мы приходим до рассвета...»

А если мы приходим до рассвета
Чтобы огонь отчаянно нести
И быть нелепо-нужным силуэтом
Вдоль высшего великого пути...
А, по огням найдут свой путь другие
Когда уже потухнем мы
Забыв и нас и наше ремесло
И наши лица бледные немые
Которым так не повезло...
Вам повезёт идущие за нами...
И я чеканный сумрак нарушая
Своими неуклюжими стихами

«Эту влажность ночных мыслей...»

Эту влажность ночных мыслей
Несмелых белых купальщиц
Я взглядом моим не нарушу
Взглядом чёрным слуги
Не мне дано потрогать
К губам поднести мимолётно
Туманную к стеблю склонённую
Душистую тонкую шею
В которой столько целомудрия
Как ни в одной из женщин
В которой все тайны мудрые
Все тайны обещанные

«Рукой указывает статуя...»

Рукой указывает статуя
Базальтовой чёрной рукой
Куда-то в дикие горы
Где вечный снег и тоска
Безлюдных серых ущелий...
Скал громоздящихся злобно...
Изгнанников горькой толпой...
Глаза не находят уступов
Где бы ступали люди
И всё же статья тянет...
Тяжёлую руку вдаль...
И там собираются тучи
Но вечно дожди не прольются
И только косматые сгустки
Будут по скалам хлестать...
Туда я коричневый тихий
Уйду опечаленной кошкой
И буду разгадывать тайны
Протянутой в вечность руки
Быть может её забыли
Сокровищ и чудищ и злобы
А я подползу на брюхе
И всё отгадаю, всё...
И будет наверное страшно
Так, как всю жизнь хотел...

«Я стою передо мной перо жар-птицы...»

Я стою передо мной перо жар-птицы
Тёмный лес задумчив и не смел
Подобрать перо и в путь пуститься
И сказать что я глазами бел...
Много покоя от сиянья
Лес и небеса озарены
И сбивается несмелое гаданье
И сбываются пророческие сны
Может остановят неудачи
И глаза слезами изойдут
Мне сулит отчаянные крики
И затерянность в деревьях синих
И тайгу глухую и пустую
Мох и камни скалы и песок
Этот жар невыносим для глаза
И в стране глубоких чёрных рек
Пугается...

Да в стране зелёных рек и вереска
Жёлтых неокрашенных судов
Ходит кто-то мечется по берегу
Простирает зов
Я приду приду туда заранее

И пойму тот крик...
Все мы к медленному умиранию
Предназначен к умиранию
Тот кто только что возник
Предназначен руки выломать и сглушить
Предназначен песню выдумать...
В мир пустить...
А перо пусть светится и светится
Просто так...
Через век придёт за мною вслед
Ещё один Иван-дурак

«Я бедный малый.....»

Я бедный малый...

Пиво пью

Потом иду по чёрной дороге

Потом встречаю тебя и молчу

И мокрые руки твои целую

Привыкни к тому что весь свет молчалив

Что тишина над нами

И белые лица и улиц извив

Только пугающее ожидание

Наши мысли займёт всецело...

Тоска безнадёжного исхода

И мы будем делать это —

Пить и махать руками

Два тоненьких силуэта...

Среди миллионов таких же

Ложащихся на асфальт

Пускай нас вечность излижет

Как сука своих щенят

«Но только я вдоль улиц пройду...»

Но только я вдоль улиц пройду
И бухнусь в старое кресло
И мелкой истерикой изойду
Сжимая пальцы до сини...
Какая-то подлость...
Какая-то злость...
Печально и неизвестно
Нам жить в этом мире с тобой привелось
Друг к другу прижавшись тесно...
Поверив что мы одни без конца
И были бедны и будем
И торопливая бледность лица
Другим ненавистна людям...
В суете обещанных дней
Силуэт мой скользит в витринах
И я растерянно стою
В открытых дверях чужих
И я растерянно бреду
К построенным по плану домам
Жёлтые, лиловые, голубые стены
И ноги твои...
Кого-то пугающе мучат...

«Было или не было минут...»

Было или не было минут
Брошенных пригоршнями вдоль улиц
Меня люди знают и не ждут
С тёплым и растерянным лицом
Плохо жить на свете понимая
Игру света и игру людей...
Никого собой не обнимая
Зло смеясь над этими людьми
Что же я несмело прочитаю
Ещё много очень умных книг
Крадучись несмело прошагаю
Километры старых мостовых
Проплыву по заводам туманным
По чужим следам...
Буду делать всё что запрещают
Брать тебя за белые колени...
Пьяным летом когда дождь бросает
Твои волосы к моим губам
Что-то вдруг несмело возникает
И мешает улыбаться нам
Это верно понимание встречи
Тусклой неизбежности смертей
Убери свои тоскующие плечи
И лицо из-под руки моей...

«Элегантная запойная тоска...»

Элегантная запойная тоска
Во фраке, чёрный и строгий
Допью свою порцию коньяка
Перед моей дорогой
Моя дорога и только моя
Бумажная русская старая...
Из одного города в другой
И ещё один серый город
И ещё одни вспыхнувшие глаза
Жаление о том, что не молод
Есть бабы, которых нельзя
Я пустой-пустой и тихий
И спокойный...
Я вожусь с детьми по-детски
Зябко всё переживаю
Нашу маленькую встречу
Твои тоненькие пальцы
И холодные колени
Так по-детски угловато...
Так устало так протяжно
Выступили из-под юбки

«Я натворю много бед...»

Я натворю много бед
Причину близким страдание
И даже тебе, самой дорогой,
Нужно будет плакать...
Нужно будет проклинять день
Когда ты меня встретила...
Так неудачно сложилась моя жизнь
И я не виноват...
И я не могу исправить...
Уходить в листопад
И в церквах свечи ставить
Ничего нет... Только есть...
Твоя комната...
И пустая громадная тень
Нас обоих на белом ковре
Когда я уйду будет утро
Или вечер или смерть
Но мне наплевать...
Потому что всё оборвалось во мне

«Вся тоскливость в нашем небе...»

Вся тоскливость в нашем небе
И в квартире полутёмной
И в холодных на минуту
Мной тронутых коленях
Не исправить после в сказку
И никем не будет понят
Этот миг
И будет жаль что сомнут тебя другие
Что цветёшь ты для других

«Думаю – плывёт мартышка...»

Думаю – плывёт мартышка
Глупая мартышка в чёрном трюме
В том стальном и пахнущем заводом
И безвыходностью что когда-то
Я в себе немыслимо носил.
Если б мог я от утра до ночи
Всё писать пытаться за столом
За дощатым за немым за мытым
На котором после злых усилий
Я найду мне нужные слова
И придет грустная мартышка
Человечья грустная улыбка
Милые покинуть острова...
Будешь жить среди зимы и лета
Замирать ночами в уголке
То ли в цирке то ли у поэта
Что в твоей протянутой руке
Просишь не забыть тебя и тоже
Поместить в мой необъятный мир
Где усталы облики прохожих

«И потом когда я уже умру...»

И потом когда я уже умру
Серая былинка на серой мостовой
Люди поймут – этот паяц чего-то стоил
И не зря он махал рукой
И вчитаясь в мои строки
Под деревьев строгий шум
Может дойдёт – что мы все одиноки
И полны непонятных дум...
Я горький бессловный стёртый неудачник
Маячил в мире сыпал слова
Иногда меня женщины занимали
И останавливали на немного
Иногда бывало и счастье
Тонкое тёплое пятно на полу
Я старался вызвать у вас участие
Но вы отворачивали скулу

«Ну что же – два года...»

Ну что же – два года
Успокоен... лишь изредка расшевелит
Меня вдруг ваше появленье
И в память прошлого – смущенье
На пыльном теле плит...
Тогда я поклонюсь неловко
И по забытому – губами
Скажу «Салют»
Ответишь робко...
И мы пойдём опять одни
Ты шла навстречу
Ты светилась
Ты может со звезды свалилась
Но должен я пройти
А ты опять в чужую школу

«Но я останусь розово-холодным...»

Но я останусь розово-холодным
За высшими поступками следя...
В метельном свете – среди сцен огромных
Водя нелепой тенью по стене
Я вызываю ряд видений тёмных
И тайна строгая дрожит во мне...

«Как пахнет сырое дерево.....»

Как пахнет сырое дерево...

И дождевая вода...

И весенние тополя...

Но приходит беда

И пылится земля

Но приходит разлука

И стынут руки

«Какая уж тут любовь...»

Какая уж тут любовь
Я не разобрался не понял
Не просил надо было просить
Не бросился в погоню
Когда стала ты уходить
Ты каждый день отдалялась
Нашёптываниям поддаваясь
Тебе говорил он умный
Но что его умного ждёт
Никто не может поручиться
Что будет с ним через год
Никто не знал верно
А может положат вновь
В больницу для слабонервных
В объятия докторов...
Или уйду по подъездам
Проклятые песни петь
По целым неделям нетрезвым
И прямо в глаза не смотреть
Я бросил бы вас всё равно
Красивая мамина дочка
И мама была права

«Можно все ночи подряд просиживать...»

Можно все ночи подряд просиживать

Писать неживое, писать злое

Что ты не согласна на хижину

Теперь-то уже после драки

Я понял рая мозги

Что есть родители, есть дворы

Соседи старухи и стариков

Безжалостные скелеты

И ты ни ко мне, не врозь

А так только – руки-плети

И тысячи разных просьб

Уйди приходи... останься...

Мама... я рядом с мамой

Сравнение не в пользу – Таня

Ты вечно любить не мог бы

Да я остаюсь

Да я в осень

Не мог не могу любить

«Яблоне́вый дом... Яблоне́вый дом...»

Яблоне́вый дом... Яблоне́вый дом
Комнаты покинуты пустые...
Мы по стенам тихо проплывём —
Тени неуклюжие большие...
Мы ночами чутко прошуршим
Древними ногами...
Зеркала застывшие
Поймают
Наших лиц неровный серый мир...
Из всех книг которые читали
От людей аптек и тишины
Мы давно все тайны разузнали
Оттого зрачки затемнены
Не обрадует своим испугом
Яблоне́вый дом
Мы проходим мерно друг за другом
Каждый с жёлтым фонарём
И огонь нелепый прикрывая
От жестоких сквозняков...
Каждый неумело повторяет...
Гибнуть и пытаться я готов

«Когда другие так возвращаются...»

Когда другие так возвращаются
Все в центр комнаты
Другие тоже обольщаются
Мы все умны
А жизни попросту кончаются
Средь тишины
Учитесь бедными студентами
Счастливыми профессорами
Вас много ходит рядом с Ленками
И каждый будто он один
Одеться помодней старается
И умничает и кривляется
И песни учит и стихи
Всё женщинам предназначается
Мы чудаки...

«А нужно взять мысли...»

А нужно взять мысли
Цедящие это...
И даже в праздник
Сидеть неодетым
У самой аптеки
И думать о маге
Ещё о Востоке ещё о бумаге
Шуршащей летящей по мостовой
Хотя бы я один не такой
Как все остальные
Праздник парад
Я давно пьяный...
Другому я рад...
Что глиной запахнет
Моя мастерская
И женщина будет стоять живая
Спасая её от холода
Буду давать вино...

«Я большая пешка...»

Я большая пешка
В злых чужих руках
Двигаются пешки
В соломенных полях
А рядом чёрная земля
Иные клетки
Народ чужого короля
Готов упасть...
Лишь только б он – король
Смог власть
Распространить и в наши
Соломенные уголья
Не жаль ни своих ни чужих
Пусть половина ляжет

«По дороге уходят на войну...»

По дороге уходят на войну
Серые солдатские ряды
Тусклой опечаленной змеей...
С песнями а чаще и без них...
Матери стоят в платочках старых
Плачут прикрывая глаз отчаянье
Сапоги устало глину топчут
Глину опечаленных дорог...

«Скрипки поют...»

Скрипки поют
Что мы только знакомы
Робко встречаясь расходимся
Я бездомный
И ты – раскосая
Сегодня прошли шумя и болтая
Делая весёлый вид
Но ко всему привыкла Сумская
Ничего её не удивит...
И люди – пройди голым даже —
Посмотрят и отвернутся
Чтобы они были в раже
Нужна революция...

«Мои слова переживать...»

Мои слова переживать
Дано другим
А мне писать
И крик бросать
И руки робко простирать
К рукам чужим
Давайте обменяемся теплом
Я вам своё отдам
Но ты ведь незнаком
Всем этим женщинам
И мужикам
Они не примут трепет
Не поймут
И скажут он сошёл с ума
За докторами побегут
Все, даже мать...
И поместят опять в больницу
За окнами трава егозит
На этот раз не будет близкой
Чтоб приходила говорить...
Вот так кончаются порывы
Стремления вперёд других
Я сумасшедший сиротливый
Сажу возле окна
А осень тянется и длится

Тревожна и мутна
Какие мне моя больница
Предложит письма
О жалких травах под окном
Где праздник революции
И что не вызову ни в ком
Сочувствия

«О мартышке в ледяной погоде...»

О мартышке в ледяной погоде

О замёрзшей...

Нет я не могу об обезьянах

Не понять мне узкий лобик

Если даже рядом человека

Трудно мне и тяжело осмыслить

Пейзаж

Телега чёрная и тусклая дорога
Ты едешь в мир
Чтоб ещё дольше жить
И будут нам мешать иные люди
Иные травы станут нас любить
Поджаты ноги горестно и плоско...
Молчат глаза и только в глубине...
Какая-то протяжная полоска
Быть может это жалость обо мне
Во внешний мир вольётся...
Моё оголтелое пенье

«Проснулась во мне нечаянная чуткость...»

Проснулась во мне нечаянная чуткость
И почувствовал дрожь
Что ты
На белом свете живёшь
Когда я один среди солнца и света
И покоя голубых деревьев
Мир – это два силуэта
Твой и мой на стене...

«Россия... Дворянские парки.....»

Россия... Дворянские парки...

Рассыпавшиеся косы...

Вагоны... теплушки... взгляды...

Я пьяный пустой полковник...

Я отстоял Одессу...

И пью последние дни...

Когда пожелтели каштаны

И обыватели готовы...

Встретить красных

И обплевать пароходы,

В которых мы отплываем...

«Прапорщиком стройным...»

Прапорщиком стройным
Приеду к вам в усадьбу...
Где старый разросшийся парк...
И тёмные-тёмные липы над
\$\$\$\$\$\$деревянной скамейкой
И вы из прошлого века,
Домашнее воспитание
Французских романов бред...
Пруды, глубокая тишь...
Но время пугающе вспыхнет...
И мужики пойдут...
Голодные гадкие жадные...
А нам по России тыкаться...
Ты станешь холодной и жёсткой
И жить по вагонам
И плакать когда напьёшься
И утром, на рассвете...
Нечёсанного коммуниста...
Отправить на тот свет...
Когда черёмуха пахнет...
И голова болит...
От тяжкого-тяжкого бреда...
Степного...
Куда пароходы уходят...
В Турцию, в Грецию, в Рим?

Где Пантеон рода Юлиев
Бледен и недвижим...

«Ночь шумная...»

Ночь шумная
И крики жёлтых листьев
Которые не в силах
Бороться с смертью
На краю могилы
Уже упасть бы мир очаровать
Чудесным жёлтым и багряным трупом
Сухую оболочку постигать
И разбирать прошедшее по буквам
Не так ли я
Чудесно умереть
Оставив слов приличных ворох
Когда я пел вам не хватало времени
Понять увидеть ободрить меня
Но только лишь с землёй в одно
Находят сразу
И то где жил линиялое окно
И за могилой славящую фразу
А мне бы нужно когда в жёлтый стол
Чтоб кто-нибудь ко мне пришёл
Сидел вот я – душа живая

Румынская рапсодия

Бульвары рыжие... беда... бессонница...

Приходит ко мне Пруст...

Марсель... тот самый известный...

Основоположник...

Автор... тысяч бредовых страниц

Я тоже туманно спутал...

Тебя и чужих и многих...

И на большом бульваре удивлённо сижу

Зачем всё так пусто и тихо...

Как тонкая чайная роза

На зелёном стебле...

Любители хризантем...

Ночных прогулок в горах...

Высокая сухая трава...

Пахнет бессмертьем гробниц

Незанесённых песком

И синью глазури...

Не поблёкшей века...

Румыния колониальная страна

Жёлтого табака...

И черноволосых женщин...

«Вот действующие лица – ты и я...»

Вот действующие лица – ты и я
Место действия – больница
Октябрь месяц
\$\$\$\$\$\$B эпизодах – врачи, санитары...
И заря за решётками окон...
Необыкновенно красивая заря...
Отсутствие спокойствия...
Утыканный стёклами высокий забор...
Больничный двор...
Деревья... последние миги
И чудом проникшие книги
Стихи о первой любви...
Я тоже оставил сзади...
Пиво в дешёвом кафе
Свою непробудную осень
Подаренную тебе...
Шатание с девочкой маленькой
В школьном платье...
И длинно-большие минуты
На улицах городов...
Всё что нас окружает —
Неокрашенные стены...
Очень нас раздражает
То, что глаза белы

Infant perdu

Я потерян для близких и Родины
Приближается враг в темноте
Там слышали там слышали
И уже барабанная дробь
И мальчик полком подобранный
На одной из больших дорог...
Приближаются тени солдат...
Но всё закрывает большая тень —
Старухи-смерти...
Барабанит мальчик и поле встаёт...
А я давший сигнал...
Хочу повернее, прямо в лоб
Выпустить последнюю свинцовую пулю...

«Вам хочется стихи мои переписывать...»

Вам хочется стихи мои переписывать
Их под рукой иметь
Принести своей девушке, своему парню
И проговорить, и процедить, проскрипеть,
Прошептать ночью... Я пария
Вопросов столько нерешённых
Но мы оставили все вопросы
Мы при свечах зажжённых
Будем любить раскосых
Сделаем глупость...
\$\$\$\$\$\$Потом задумаемся...
И прощения станем просить
Я ни на что не буду дуться

«Стану полевым дурачком...»

Стану полевым дурачком
Бежать от чужих глаз
Посвистывать и поглядывать
Поддерживать белый крест
Да, я холщовый, я белый
Я опрокинут в траву
Я – дурачок на свете
Чтоб слушать кукушек – живу
Древним ужасом веет
От бессмысленных криков
Как будто кукушка жалеет
Чужих проходящих вдаль
Я утром по мокрым откосам
Спускаюсь к задумчивым рекам
Где плещется синяя рыба...
И синей улыбки тень...
Я полевым дурачком
В шапочке с колпачком
Махая длинной рукой
Буду тебя дразнить
А ты в платье иссиня
Будешь там ночная башня...
Которая не хочет жить...

«Может меня и печатать не будут...»

Может меня и печатать не будут
Но только ты линии тень сведёшь...

Я смутные муки забуду
– Бессмертье и слава – всё ложь

Сгнию я, как сгнили другие
Приходившие в разное время

Останутся слова неживые
– По ним меня изучат...

И скажут он был – измотан
Измучен, задавлен, сбит...

И бросил свою работу
Сбежал в отдалённый скит

Но там, среди моря клевера
И песен дремотных пчёл...

Его беспокоили муки севера
И ветер его извёл...

И мутными пятнами выплыли
Лица чужих святых...

Твоё лицо святое...

Первым было среди них...

Я парковой злобой обмечен
Но я так люблю тебя

«Я жадный человек...»

Я жадный человек
Из прошлой тайны
Из голубой грозы
Из фар автомобильных
\$\$\$\$\$\$на дороге...
Отделившийся от стен ночных
Вышедший из сети дождя
Городской человек
Мужчина с непристойного свиданья
С чужой женой
Честолюбец жаждущий славы,
Власти, богатств
Возможности глазом ловить
Блеск бесценных камней
И руками обшаривать
Модных красавиц
Откуда вам знать меня
Самоуверенного
В грозовой шляпе...

«Всё так же Вася носит...»

Всё так же Вася носит
На голове афиши
Всё так же мужики играют в домино
Я где-то медленно слышал
Не быть тебе со мною всё равно
Нас разделяют прожитые чувства
И лиц чужих несмелые овалы
Теперь скажи
И что былое, тоже миновало...
Ничто не миновало, в синий сумрак
Когда тяжелеют... ночи...
Я горько нерадостно думаю
Что ты существуешь отдельно...

«Мой дождевой балкон.....»

Мой дождевой балкон...
Мой холодный ключ
Под рукой
\$\$\$\$\$\$остр и колюч...
Длительен каждый шаг
На квартиру распространён
Тревожным шумом в ушах
Отзывается он...
Достаю я вино...
И сажаю тебя
В кресло что под стеной...
А напротив цветы...
Звёзды красных гвоздик
Засохшие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.